

Сектор газетных и журнальн. вырезов

Мосгорсправка НКС

Мясницкая, 26-Б

Тел. 95-69

Выдано из газеты

8 СЕН 1937 Москва

Москва

Газета №

ТАЛАНТЛИВЫЙ АКТЕР

С. Я. ШТРАЙХ

ДНЕВНИКИ и записки С. П. Жихарева, выпускаемые издательством «Академия» впервые в полном виде, — один из основных источников для истории русского сценического искусства начала XIX столетия. Они показывают русский театр в момент перехода его с по-

зиции ложноклассической, «высокой» трагедии, выражавшей взгляды и удовлетворявшей потребности поместного и правящего дворянства, к сентиментальной драме с ее «низменным» содержанием, отразившим жизнь и обслуживавшим культурные запросы нарождавшейся буржуазии.

Театральные мемуары Жихарева дают богатый фактический материал для характеристики состояния и развития при феодально-крепостническом строе того искусства, которое, по словам автора, «не оставляет по себе памятников и умирает вместе с артистом», представляет собою «звук колокола, исчезающий в воздухе».

Особенно ярко изображены в записках Жихарева величайшие деятели русского сценического искусства: И. А. Дмитревский и А. С. Яковлев. Отзыв Жихарева о первом недавно приводился в «Вечерней Москве». Теперь остановимся на данной во II томе характеристике А. С. Яковлева, по свойству своего дарования составлявшего прямую противоположность И. А. Дмитревскому. Яковлев был актер настроения, типичный представитель богемы, хотя богемы гениальной, прямой предшественник П. С. Мочалова; Дмитревский достиг виднейшего положения на сцене упорным и настойчивым трудом, громадной и всесторонней культурой и в этом отношении явился предшественником великого М. С. Щепкина.

«Яковлев — сын природы, бессознательный сценический гений», — резюмировал Жихарев через пятьдесят лет своей записи 1807 года об игре великого актера. Но приводимые ниже рассказы его об игре Яковлева важны тем, что они большей частью воспроизводят дневники, в которые Жихарев немедленно после спектаклей заносил свои впечатления. «Вчера по возвращении из спектакля, — писал Жихарев в

дневнике от 15 января 1807 года, после первого представления трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской», — я так был взволнован, что не в силах был приняться за перо; да признаться и теперь еще опомниться не могу от тех ощущений, которые вынес с собою из театра. Боже мой, боже мой! Что за... Дмитрий — Яковлев!

Какое действие производил этот человек на публику — это непостижимо и невероятно. Я сидел в кресле и не могу отдать отчета в том, что со мною происходило. Я чувствовал стеснение в груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то в озноб, то в жар; то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко... Все особы высшего общества, разубранные и разукрашенные как будто на какое-нибудь торжество, помещались в ложах бельэтажа и в первых рядах кресел и, несмотря на обычное свое равнодушие, увлекались общим восторгом и также аплодировали и кричали «браво» наравне с нами.

Яковлев открыл сцену. С первого произнесенного им стиха... все обратилось в слух, и общее внимание напряглось до такой степени, что никто не смел пошевелиться, чтобы не пропустить слова; но при стихе:

Веды платить врагам настало ныне время —

вдруг раздались такие рукоплескания, топот, крики «браво» и проч., что Яковлев принужден был остановиться. Этот шум продолжался минут пять и утих ненадолго...

Одним стихом он умел выразить весь характер представляемого им героя, всю его душу и, может быть, свою собственную. А какая мимика! Сознание собственного достоинства,

благородное негодование, решимость, — все эти чувства, как в зеркале, отразились на прекрасном лице его. Словом, если бы Яковлев не имел и никакой репутации, то, прослушав, как произнес он один.. стих, нельзя было бы не признать в нем великого мастера своего дела».

На другой день, 16 января, Жихарев занесит в дневник: «Дмитрий Донской» наделал такого шума, что только о нем и говорят.



При всякой встрече с кем-нибудь из знакомых можешь быть уверен, что встретишь и вопрос: «что, видели ли Донского?» «А каков Яковлев». Озеров—Озеровым, но мне кажется, что Яковлев в событии представления играет первую роль. Пожалуй, скажут, что это несправедливо, а я так думаю напротив. Автору воздавание впереди — потомство; а после актера, будь он хоть семи пядей во лбу, что останется? Предание лет на пятьдесят, да и то предание сбивчивое и неверное.

В другом месте Жихарев записал впечатления от чтения Яковлевым

стихов Г. Р. Державина. «Прочитайте, что хотите, — просил автор дневника великого актера: — я люблю ваш орган (голос) и вашу дикцию: они доходят до сердца.

— Разве что-нибудь из Державина, например «На смерть князя Мещерского»?

— Чего же лучше? Давайте, я, пожалуй, буду суфлировать вам.

— Не нужно: я знаю прежнего Державина наизусть.

И вот Яковлев, закричав слуге: «Семиус — пуншу», приосанился и начал:

Глагол времен, металла звон...

Он читал прекрасно, но когда дошел до стихов:

Где стол был явств—там гроб
стоит...

И бледна смерть на всех глядит...
И точит лезвие косы...

то произнес их с такой невероятно страшной выразительностью, что меня затрепала лихорадка, и мне показалось, что смерть с угрожающим видом точно стоит передо мной. Я долго не мог притти в себя и только опомнился, когда Яковлев кончил уже всю оду».

В позднейших «Воспоминаниях старого театрала», написанных по дневникам начала XIX века, Жихарев дает общую характеристику Яковлева: «Наружность его была прекрасна, телосложение правильное, рост высокий, но не огромный, благородная поступь, движения естественные: ничего угловатого, ничего натянутого. Лицо было зеркалом души его: открытый лоб, глаза светлые и выразительные, рот небольшой, улыбка пленительная; память имел он необыкновенную, орган (голос), какого никогда и нигде не удавалось мне слышать: сильный, звучный, приятный, доходящий до сердца и вместе необыкновенной гибкости — он делал из него что хотел».

318